

УДК 070

ДУХОВНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

И.И. Бандеров

Аннотация

В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского автором работы выявлено особое публицистическое мышление – духовный синкретизм. Для этого были использованы: литературоведческий анализ и вспомогательные ключевые слова. Духовный синкретизм Достоевского, по результатам исследования, обладает следующими характеристиками: духовные пути решения политических, экономических и социальных проблем; слияние просвещенческих и религиозных идей.

Ключевые слова: духовный синкретизм, духовная публицистика, религиозная публицистика, философская публицистика, философия публицистики, история журналистики.

Под духовным синкретизмом мы понимаем особое публицистическое мышление, характерной чертой которого является единство религиозных, философских и светских идей как реакция на экзистенциальные и нигилистические общественные настроения. Отметим также, что литературоведение, культурология, религиоведение, философия и психология изучают феномен синкретизма не только как понятие нерасчленённости и неразвитости сознания, но и как смысловую конструкцию – неделимость, единство, смешение, совмещение концепций. В предыдущей статье, посвящённой концепции духовного синкретизма [1], мы уже отмечали, что в описании современных социальных процессов исследователи задействуют терминологию, отражающую конвергенцию научных концепций или практик. В связи с этим возникают понятия «религиозный синкретизм», «надконфессиональная синкретическая религиозная философия», «синкретизм духовной культуры».

Доктор философских наук В.К. Кантор в своей статье, посвящённой творчеству Ф.М. Достоевского, справедливо отметил, что «дневник всегда подразумевает своеобразную человеческую и писательскую (в случае писательском) *исповедальность*¹. Однако опубликованный самим писателем дневник, ставший фактом культурно-общественной жизни, очевидно, подразумевает некую новую коннотацию. Тон Достоевского в его «Дневнике писателя», что несложно увидеть, *исповедально-проповеднический*. Иными словами, с личной страстью и открытостью, что предполагает сам по себе дневниковый жанр, он попытался вмешаться в общественную борьбу, обращаясь, однако, не только к обществу,

¹ Курсив В.К. Кантора. – *И.Б.*

но и к правительству» [2]. Исследователь отмечает синкретизм даже в жанрово-стилистическом оформлении мысли Ф.М. Достоевского, подчёркивая: «Сочетание мемуарного, литературно-критического, политического, обращение к литературно-историческим анекдотам и одновременно к самым злободневным проблемам общественной жизни (даже бытовым уголовным процессам), даже введение в ежемесячный “Дневник” своих художественных текстов самого высокого разбора создало невероятный сплав, своеобразный микрокосм» [2]. Здесь можно говорить о мир-тексте, рождающемся в сознании писателя как единое, неразделимое «со-знание», некая повседневность нашего бытия, сотканная из субъективно-творческого осмысления воспринимаемого нами знания, то, что нами уже поименовано (подробнее об этом см. [3]).

Продолжает проникновение в исповедально-дневниковый мир-текст Ф.М. Достоевского другой исследователь. В.В. Борисова, обозначая «взаимодействие художественного языка с дискурсами, расположенными вне его поля – религиозным, философским, публицистическим и т. п.», убеждённо заявляет: «Действительно, “Дневник писателя” – синкретическое в дискурсивном отношении произведение, и его синкретизм обусловлен чрезвычайной многогранностью творческой индивидуальности самого автора» [4, с. 56]. Да, безусловно, в дневниковой публицистике Ф.М. Достоевского присутствуют характеристики духовного синкретизма, которые детально мы обозначим далее. Но прежде отметим причины, по которым мы анализировали именно это произведение:

1. В «Дневнике писателя» сконцентрировались публицистические взгляды Достоевского, объединённые философскими, религиозно-философскими и социально-политическими идеями [5].

2. Духовный синкретизм в ракурсе нашего исследования – это также своеобразная реакция на эпоху реформ и настроений 60-х годов XIX в. в России. Поэтому нас интересуют 70-е и 80-е годы. Конечно, мы не можем игнорировать идеи русских публицистов, писателей и мыслителей первой половины XIX в., например, Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»), П.Я. Чаадаева («Философические письма»), концепции славянофилов и др. Однако для исследования мы выбрали именно вторую половину XIX в., в которой логически обозначается период 70–80-х годов как пореформенный: происходит духовное осознание изменений через публицистику. Мы не можем также игнорировать и последующие десятилетия: 90-е годы отмечаются развитием духовно-религиозной периодики [6]. Тем не менее на этой стадии исследования мы останавливаемся на 70-х и 80-х годах: именно этот отрезок в большей мере характеризуется наличием различных духовных идей (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл. Соловьёв), которые явились реакцией на эпоху 60-х. Именно эти идеи, по нашему мнению, наиболее яркий выразитель такого особенного способа мышления, совмещающего в себе русскую национальную и духовную архаическую идентичность, философский метод и просвещенческие идеи. Подчеркнём: данный способ мышления представляется нам не как искусственно созданный авторский метод, а как сформированный благодаря тем или иным событиям или наиболее ярко проявившийся в определённых условиях – обстоятельствах, которыми в данном случае явились 70–80-е годы.

В «Дневнике писателя» (1873–1881) нами выделено 39 материалов, в которых обнаружались следующие признаки наличия духовного синкретизма:

- одновременное присутствие социально-политических и религиозно-философских идей в одной проблемной теме;
- наличие в публицистическом тексте, анализирующем ту или иную социальную проблему, ключевых слов (религиозной и философской тематики), которые выполняют вспомогательную функцию при поиске признаков духовного синкретизма.

Основными темами выбранных материалов являются:

- восточный вопрос (русско-турецкая война);
- славянский вопрос;
- славянофильство;
- русская идея (тема тесно связана с «почвенничеством» Ф.М. Достоевского);
- народ и интеллигенция.

Наиболее употребляемые вспомогательные ключевые слова: *Христос; христианство; дух, душа, духовный; вера; правда; истина.*

К **характеристикам духовного синкретизма**, выявленным в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского, относятся следующие.

1. Духовные пути решения политических, экономических и социальных проблем. Реакция автора на реалии и события не только психологически личная, но зачастую религиозная. Публицист предлагает духовные ответы, анализируя актуальные вопросы. Так, в статье «Post Scriptum. Славянская идея» автор рассматривает национально-политический вопрос, используя своё нравственно-религиозное понимание: «Вероятно, таково именно свойство его, как славянина, то есть подыматься духом в страдании, укрепляться политически в угнетении и, среди рабства и унижения, соединяться взаимно в любви и в Христовой истине» (ПСС 23, с. 103).

Почвеннические идеи, христианский социализм и вместе с тем концепция православия автора не являются только лишь индивидуальными духовными убеждениями, которыми Достоевский делится на страницах моножурнала. Эти решения, как актуально значимые, автор предлагает обществу публицистически, реагируя на повестку дня. Такие проблемы, как пьянство, самоубийство, терроризм и др., автор переживает религиозно и пишет соответственно своим переживаниям. Например, в материале «О самоубийстве и о высокомерии» он обращается к феномену веры: «Я выразил предположение, что умерла она от тоски (слишком ранней тоски) и бесцельности жизни – лишь вследствие своего извращённого теорией воспитания в родительском доме, воспитания с ошибочным понятием о высшем смысле и целях жизни, с намеренным истреблением в душе её всякой веры в её бессмертие». (ПСС 24, с. 54).

В размышлениях автор приходит к выводу о том, что политика России должна выполнять глобальную духовную миротворческую миссию, а общества славянских народов должны быть объединены на почве единой веры. В статье «Первый корень» обнаруживается пример религиозной интерпретации социально-политических идей: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается

социализм народа русского: он верит, что спасётся лишь в конце концов все-светным единением во имя Христово» (ПСС 27, с. 19); а в «Комбинации и комбинации» публицист обращается к идее духовного объединения славян: «...нельзя им развиваться духовно в мелких объединениях, сварях и завистях, а лишь всецело, всеславянски. Огромность и могущество русского единения не будут уже смущать и пугать их, а, напротив, привлекут их неотразимо, как к центру, как к началу. Единство веры тоже послужит чрезвычайною связью» (ПСС 23, с. 118).

2. Слияние просвещенческих и религиозных идей, воссоединение народа и интеллигенции. «Что же выше, что же может быть плодотворнее для России, – вопрошает Ф.М. Достоевский, – как не это духовное слияние сословий?» (ПСС 27, с. 23).

Достоевский-публицист указывает на необразованность народа, который всё же продолжает быть носителем и хранителем русской культуры, традиций и православия. Вместе с тем автор показывает и «оторванность от почвы» у образованной просвещённой интеллигенции, которая утрачивает русскую идентичность в виде традиций и религии. Он предлагает дальнейший путь развития российского общества – в слиянии народа и интеллигенции: народ возвращает интеллигенции духовную «почву», а интеллигенция просвещает народ: «И увидите, что ничего не скажет тогда наша интеллигенция народу противоречиво, а лишь облечёт его истину в научное слово и разовьёт его во всю ширину своего образования, ибо всё же ведь у ней наука или начала её, а наука народу страшно нужна» (ПСС 27, с. 23).

Таким образом, идея Достоевского о единстве народа и интеллигенции заключается в соединенности образования и религии, науки и национальных ценностей и являет собой путь духовного и одновременно светского просвещения.

3. Интеграция православия во внутреннюю и внешнюю политику страны. «Утраченный образ Христа, – пишет Достоевский, – сохранился во всём свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесётся новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасёт европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос» (ПСС 26, с. 85).

Православное христианство, согласно Достоевскому, должно благотворно повлиять на западные и восточные сообщества и объединить их, ознаменовав тем самым «духовное единение человечества во Христе» (ПСС 25, с. 152). В статье «Самые подходящие в настоящее время мысли» прослеживается авторское видение религиозно-политических процессов: «Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это наш народ и государи его... Одним словом, этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем. В нём заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нём и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах» (ПСС 25, с. 74). Однако это, как предполагается автором, возможно только после внутреннего возрождения православия в стране. Возможность этого влияния заключается в духовно-просветительской, дипломатической, социально-примирительной функции одновременно:

«И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!» (ПСС 26, с. 148).

Ф.М. Достоевский, опираясь отчасти на опыт славянофилов, реагируя при этом на текущую повестку дня, конструирует собственные «почвеннические» идеи, отвечающие проблемам времени, в частности вопросу просвещения: «Зачем же нам такое просвещение? Поищем у себя иного. Наука дело одно, а просвещение иное. С надеждой на народ и на силы его, может, и разовьём когда-нибудь уже в полноте, в полном сиянии и блеске это Христово просвещение наше» (ПСС 26, с. 154).

4. Дипломатическая роль национальных духовных ценностей. Национальная русская идея вместе с идеей глобалистского православного христианства также должна выполнять объединительную миссию, или «всепримирение народов» (ПСС 23, с. 50), в национальных вопросах, по мнению автора. Обнаруживается, что в национальных и общественно-политических вопросах Ф.М. Достоевский выделяет в качестве центральной религиозную идею: «Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, то есть вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и проч. и проч., – всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб её, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса для нас, то есть в смысле разрешения его в народном духе нашем. В этом смысле эти первостепенной важности вопросы отступают уже на второй план. Ибо главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия» (ПСС 23, с. 61).

Первый шаг в этой идее – объединение славян, славянских народов: «...чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племён заступиться за слабого, с тем, чтоб, уравнив его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетённых в мире» (ПСС 23, с. 103). Второй шаг – объединение России и Европы, Запада и Востока, а в конечном итоге – достижение единства мира, или «всеединения человеческого» (ПСС 25, с. 23).

Итак, всемирное «общечеловеческое единение» (ПСС 25, с. 20) является основным выразителем духовного синкретизма в публицистике Достоевского, представляющим собой единство религиозных, религиозно-философских и просвещенческих идей. Этот способ мышления сохраняется на протяжении всех выпусков «Дневника писателя», таким образом, являя собой *неразвивающуюся в отдельные смыслы синкретичную основу мышления автора-публициста.*

Формирование духовного синкретизма в публицистике Ф.М. Достоевского предположительно является реакцией на несколько факторов:

- идеи славянофилов, эволюционировавшие в произведениях Достоевского в особое русло «почвенничества»;
- развитие русской философии (её становление как системы и формы познания мира);
- экзистенциальные и нигилистические настроения в обществе, публицистике и литературе;
- эпоха реформ 60-х годов XIX в.;
- личные экзистенциальные психические переживания автора (травмы детства, семья, арест, незавершённая казнь и др.).

В целом мы можем охарактеризовать духовный синкретизм Ф.М. Достоевского как предлагаемые публицистически духовные решения экономических, социально-политических и иных общегосударственных и частных злободневных задач. Нерасчленённость духовного и политического в публицистике, как мы увидели у Ф.М. Достоевского, остаётся целостной сама по себе, наследуя национальные традиции, не развивается в отдельные смыслы, таким образом оставаясь синкретичной.

Обнаружение феномена духовного синкретизма в публицистике Ф.М. Достоевского и других авторов позволяет нам изучать историю отечественной журналистики с нового ракурса, обозначить новое проблемное поле изданий 70–80-х годов и определить характеристики данного неизученного способа публицистического мышления. Анализируя тексты русских публицистов на предмет выявления духовного синкретизма, мы имеем возможность исследовать особый способ мышления, который присущ многим отечественным авторам XIX столетия. Фактическое обнаружение духовного синкретизма у ряда авторов XIX в. также позволит нам обозначить этот особый способ мышления как одну из тенденций в русской публицистике того времени.

Summary

I.I. Banderov. Spiritual Syncretism in F.M. Dostoevskii's Journalism.

The presence of a particular journalistic thinking, spiritual syncretism, was detected in F.M. Dostoevskii's "Writer's diary". The literary analysis and specific keywords were used for this detection. According to the results of our study, F.M. Dostoevskii's spiritual syncretism is characterized by spiritual solutions of the political, economic, and social problems, as well as by the fusion of Enlightenment and religious ideas.

Keywords: spiritual syncretism, spiritual journalism, religious journalism, philosophical journalism, history of journalism.

Источники

- ПСС 23 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. (май-октябрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1981. – Т. 23. – 425 с.
- ПСС 24 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 г. (ноябрь-декабрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1982. – Т. 24. – 516 с.
- ПСС 25 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 г. (январь-август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1983. – Т. 25. – 467 с.

ПСС 26 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 г. (сентябрь-декабрь); 1880 г. (август) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 26. – 515 с.

ПСС 27 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1881 г. Автобиографическое // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 27. – 461 с.

Литература

1. *Бандеров И.И., Бик-Булатов А.Ш.* Концепция духовного синкретизма // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. наук. – 2014. – Т. 156, кн. 6. – С. 37–43.
2. *Кантор В.К.* «Дневник писателя» Достоевского как провокация имперского кризиса в России // Вопр. лит. – 2007. – № 1. – С. 228–249. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/1/ka12.html>, свободный.
3. *Туманов Д.В., Егорова Л.Г.* Бахтинские принципы в анализе мир-текста постмодернисткой пушкинианы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. наук. – 2014. – Т. 156, кн. 6. – С. 26–37.
4. *Борисова В.В.* Интермедальность в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Культура и текст. – 2013. – № 1 (14). – С. 55–60.
5. *Прохоров Г.С.* М.М. Бахтин о природе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Вестн. РГГУ. – 2013. – № 20 (121). – С. 33–44.
6. *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917) в кратком изложении. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 100 с. – URL: <http://evartist.narod.ru/text4/01.htm>, свободный.

Поступила в редакцию
06.04.15

Бандеров Иван Игоревич – аспирант, ассистент кафедры журналистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: ivanbanderov@mail.ru